

УДК 94 (575.2 + 574)

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ ПРОТИВ КЫРГЫЗСКОЙ
И КАЗАХСКОЙ ЭЛИТЫ В 1930-х гг. И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ**

Б.С. Сарсенбаев

Дан анализ политических репрессий 1930-х годов против кыргызской и казахской элиты и их последствий.

Ключевые слова: политические репрессии 1930-х гг.; кыргызская и казахская элита.

**POLITICAL REPRESSIONS AGAINST KYRGYZ AND KAZAKH ELITE
IN THE 1930'S AND THEIR IMPLICATIONS**

B.S. Sarsenbaev

The analysis of political repressions of the 1930th against the Kyrgyz and Kazakh elite and their consequences is given.

Key words: political repressions the 1930s; Kyrgyz and Kazakh elite.

Массовые политические репрессии сталинской эпохи, особенно кампании 1930-х гг. по искоренению разнообразных “уклонов от партийной линии” и “буржуазного национализма”, нанесли сильный удар по кыргызской и казахской элите. Ряд негативных последствий от репрессий ощущается до сих пор и влияет на вектор и особенности развития Кыргызстана и Казахстана.

При всей научной и политической значимости данный вопрос до сих пор остается недостаточно изученным и достаточно дискуссионным в исторической науке обеих республик.

Репрессии против кыргызской и казахской элиты целесообразно изучать вместе, так как они в силу ряда причин были почти идентичными и привели к схожим последствиям.

Репрессивные кампании советского режима против традиционной (дооктябрьской феодально-кочевой) и молодой советской элиты были связаны с устранением самых образованных и экономически независимых социальных групп (баи, мананы, родовые лидеры, чиновники с дореволюционным образованием и опытом работы в царской администрации, руководители и активисты различных политических партий и общественных движений, мусульманское духовенство, светские и религиозные просветители), которые могли стать потенциальными противниками Советской власти, ор-

ганизовать и возглавить выступления против нее, построением тоталитарного режима и закрытого общества, насильственным перераспределением имущества в пользу государства, сломом традиционного кочевого общества у казахов и кыргызов.

Начало массовому террору 1937–1938 гг. было положено на пленуме ЦК ВКП(б) в декабре 1936 г. и продолжено затем на февральско-мартовском пленуме 1937 г. Установка ЦК ВКП(б), И.В. Сталина и его окружения на необходимость “искоренения и уничтожения врагов народа и двурушников” была подхвачена повсеместно. Обработка общественного сознания дошла до того, что на массовых митингах, проходивших по всей стране, в том числе и в Казахстане, население требовало смертной казни Н.И. Бухарину, А.И. Рыкову и другим, оказавшимся на скамье подсудимых.

В этой обстановке И.В. Сталин и его соратники решили разом покончить с вероятной оппозицией не только в центре, но и в национальных республиках. Как свидетельствуют дела так называемых “национал-фашистов”, репрессированных в 1937–1938 гг., Н.И. Ежов и его подручные особо не утруждали себя их фабрикацией. Были извлечены на свет давнишние дела различных группировок. В их число попали и те, кто в свое время отстаивал интересы Казахстана, открыто выражал протест по поводу массовой гибели казахского на-

селения в 1931–1933 гг. Для пущей важности была придумана версия о том, что “национал-фашисты” во главе с заместителем председателя СНК РСФСР Т. Рыскуловым, заместителем секретаря ВЦИК Н. Нурмаковым, председателем ЦИК Казахстана У. Кулумбетовым и другими хотели отделить Казахстан от СССР и отдать его под протекторат Японии, а сами они являются якобы японо-германскими шпионами. Абсурдность предъявленных обвинений была очевидной, однако это не смущало тех, кто фабриковал подобные дела. Для придания борьбе с “национал-фашистами” и другими “врагами народа” широкомасштабного характера было выдвинуто обвинение в заключении ими блока с троцкистами и правыми [1, с. 250–251].

По аналогии с московскими процессами на местах организовывались показательные судебные заседания, на которых из подсудимых выжимались необходимые “показания”.

В 1937 г. такие процессы проводились в Урджарском, Пресновском и других районах республики. Большой резонанс получил судебный процесс над А. Асылбековым, Н. Нурсеитовым, М. Гагаулиным и другими руководителями Карагандинской области, состоявшийся в ноябре 1937 г. Однако судьбы основной массы “врагов народа” решались тайно, на заседаниях Военной коллегии Верховного суда СССР, Особых совещаниях НКВД и так называемых “троек” и “двоек” [1, с. 251–252].

Если верить отчетам органов НКВД, то в одной только Алматинской области было “разоблачено” 29 различных контрреволюционных организаций и резидентур иностранных разведок. Всего же по Казахстану их “вскрыто” 183 с общим количеством “агентов” 3720 человек [2, с. 531].

В Средней Азии и Казахстане репрессии имели столь же массовый характер, как и по всей стране. По неполным данным, в Казахстане, например, с 1920 по 1953 г. было подвергнуто политическим репрессиям 110 тысяч человек (на начало 2000-х годов около 96 тыс. из них были реабилитированы). Пик репрессий пришелся на 1934–1938 гг. Достаточно достоверных сведений по этому периоду пока нет, однако известно, что в 1934–1938 гг. из рядов ВКП(б) было изгнано 30 387 коммунистов (понятно, что исключенный из партии по любым обстоятельствам рано или поздно оказывался в пределах особого внимания НКВД со всеми вытекающими последствиями). Из 25 833 исключенных из партии в 1935–1938 гг. 8,5 тыс. человек были объявлены врагами народа, что составляло почти 17 % всей Казахстанской партийной организации, насчитывавшей на 1 января 1938 г. около 48 тыс. коммунистов [2, с. 531–532]. Масштабные чистки партийных рядов были проведены во всех среднеазиатских республиках.

Еще в конце 1920-х гг. политически мотивированным репрессиям подверглась старая национальная интеллектуальная элита. В 1930-х гг. она была почти полностью уничтожена. Сталинские репрессии оборвали жизнь таких ярких зачинателей прогрессистско-демократического движения в Средней Азии, как Мунавар Кари Абдурашидов, Абдурауф Фитрат, Кадыри (Джулкунбай), Убайдулла Ходжаев, Ашурали Захири, Насреддин Шерахметов, Салимхан Тиллаханов и многих других. Был физически уничтожен цвет национальной интеллигенции Казахстана. Почти сразу же после внесудебного разбирательства были расстреляны А. Габбасов, Х. Досмухамедов, Ж. Досмухамедов, М. Тынышпаев, Ж. Акпаев, М. Жумабаев, Ж. Аймаутов и многие другие деятели алашевского движения. Всего по так называемому делу “Алаш-Орда” было репрессировано 4297 человек, из них 2062 человека расстреляны [2, с. 532–533].

Наряду со старой (еще дореволюционной волны) национальной интеллигенцией – представителями и идеологами национально-либерального движения, репрессиям подверглись видные местные партийные и советские функционеры, обвиненные в принадлежности к “правому” или “левому” уклону, так называемые национал-уклонисты.

Те, и другие, и даже “не колеблющиеся”, в конечном счете оказывались жертвами сталинизма, хотя на протяжении 20-х и начала 30-х гг. являлись непримиримыми идейными противниками, яростно обвиняя друг друга в ожесточенных дискуссиях. Одни из них, будучи замороженными революционной романтикой и марксистско-ленинской утопией о возможности “перехода отсталых народов к социализму, минуя капиталистическую стадию развития”, ратовали за всемирное форсирование ломки традиционной структуры хозяйства и быта, с тем чтобы “отсталые народы” как можно скорее стали “по-настоящему передовыми социалистическими нациями” (Т. Рыскулов, У. Исаев, С. Сейфуллин, У. Джандосов, Т. Жургенев, А. Тогжанов, Ю. Ахунбабаев, А. Икрамов, Г. Артыков, А. Каримов, У. Исакеев, Айльгинов, Ш. Шотимор, Ф. Ходжаев, А. Рахимбаев, Абдуллаев, Н. Айтаков, К. Атабаев и др.), другие находились в поисках более умеренных альтернатив [2, с. 533].

Так называемые национал-уклонисты были больше ориентированы на реализацию этнической идеи с учетом реалий своих республик (прежде всего, фактора многонациональности). Представленные по преимуществу национальной интеллигенцией, их отличало трагическое ощущение страшных последствий от силовых вторжений государства в традиционный уклад жизни и ведения хозяйства среднеазиатскими народами (что, как мы увидели, и случилось).

Именно поэтому они выражали неприятие большевистской модели трансформации традиционного общества, всячески поддерживая, тем не менее, усилия власти в области культурного строительства, реализуя свои знания и способности главным образом на ниве просвещения народа. В отдельные моменты они даже полностью отходили от политики и все же были уничтожены тоталитарной системой.

Можно согласиться С.М. Акимбековым – казахстанским политологом и историком, директором Института мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстан – Лидера Нации, который следующим образом описывает сталинские репрессии против казахской элиты и их долгосрочные последствия, распространив эту оценку и на кыргызский социум тех трагических лет:

“Удары по элите в сталинские времена нанесли последовательно, планомерно и жестоко. Сначала по дореволюционной, затем по революционной, а потом уже по новой советской. Пострадали все. Но больше всех пострадал механизм формирования элиты среди национальных меньшинств СССР. Вопрос не в числе репрессированных, вопрос в механизме воспроизводства элит.

Например, в Казахстане элитная прослойка была уничтожена практически полностью. Сначала под молот репрессий попали лидеры партии “Алаш-орда”. А это – практически вся казахская интеллигенция, получившая образование до революции и имевшая опыт административного управления: Ахмед Байтурсунов, Алихан Букейханов, Халел Досмухамедов, Мухамеджан Тынышпаев и многие другие. Затем настала очередь старых казахских коммунистов: Санджар Асфендияров, Турар Рыскулов и другие. Последние репрессии коснулись советских работников новой генерации.

Исключения были крайне редкими. Мустафа Чокаев эмигрировал, став впоследствии одним из организаторов Туркестанского легиона в Германии. Выжил Мухтар Ауэзов, который проходил в 1932 г. по одному делу с Тынышпаевым, Досмухамедовым и другими. Среди старшего и среднего поколения казахской элиты уцелели единицы. Ясно, что ни о каком воспроизводстве элит в таком случае просто не могло быть речи. Механизм воспроизводства был сломан надежно, а взамен сформирован новый. Теперь это уже была советская кадровая политика.

Кадры для пополнения политической и интеллектуальной элиты Казахстана, так же как и везде в СССР, рекрутировались в основном из социальных слоев рабочих и крестьян. Причем характерно, что подбор кадров по данному принципу происходил непрерывно. Таким образом, выполнялось одно

из главных условий советской кадровой системы – отсутствие преемственности в процессе формирования элит.

Особенно это касалось политической элиты. Каждый следующий ее слой формировался практически заново. В то же время дети представителей прежней политической элиты имели шанс перейти в элиту интеллектуальную. Однако значение интеллектуальной элиты для интересов системы в целом было минимальным...” [3].

Несколько важных моментов упрощали проведение политических преследований против представителей элиты и даже давали органам государственной безопасности повод для них.

К ним относятся знатное происхождение многих советских чиновников 1920–1930-х гг., дореволюционное членство в различных национальных партиях и движениях (особенно в партии “Алаш”, в которую входили десятки представителей казахской и кыргызской бюрократии и интеллигенции), групповая борьба, клановость, разветвленные служебные и неофициальные связи (это характерно для всех восточных традиционных обществ), активная позиция и участие в политических дискуссиях 1920-х гг. (по разрешению и регулированию национального вопроса, процессу и итогам национально-территориального размежевания в Средней Азии, непростым отношениям между союзным центром и автономными образованиями (в качестве примера приведем известное и знаковое для своей эпохи “рыскуловское совещание”, или “совещание националов”).

О тесных казахско-кыргызских взаимосвязях на примере партии “Алаш” пишет кыргызстанский историк З.К. Курманов: «Во главе редакции газеты “Казах” одно время стоял другой кыргызский политик и просветитель, автор первого кыргызского алфавита “Алиппе” и учебников на кыргызском языке, “молдоке кыргызской интеллигенции”, как его называли соратники и молодые коллеги, Ишеналы Арабаев, который имел близкие дружеские отношения с А. Букейхановым и А. Байтурсуновым.

Именно в рамках партии “Алаш” выкристаллизуются общие взгляды казахской и кыргызской интеллигенции на будущее своих народов, отношение к России, к общим народным и новым насаждаемым ценностям.

Именно в рядах партии “Алаш” зарождается будущая оппозиция, которая выступала против большевизма и большевизации страны, видя в этом опасную угрозу для судеб проживающих внутри страны народов, против оголтелой и бездумной универсализации и унификации, индустриализации и коллективизации, перегибов в политике, которые разрушали основу общества, его истори-

ческий уклад и культурно-нравственные ценности. Кыргызские и казахские политики создавали смешанные партийные списки и выдвигались на выборы. Мухамеджан Тынышпаев вместе с А. Сыдыковым выдвигался в депутаты Учредительного собрания России по Пишпекскому уезду...

Внутри партии появилась идея создания «казахско-кыргызской автономии Алаш», где любому человеку, независимо от национальной принадлежности, вероисповедания, языка и т. д., жилось бы свободно и достойно. По аграрному вопросу алашевцы были против введения частной собственности на землю. Большевицкое руководство не дало алашевцам право иметь собственное мнение и оплатило им жестокими массовыми репрессиями, которых никто из бывших алашевцев не избежал в трагические 30-е годы...» [4].

Отметим, что в ходе репрессивных кампаний 1930-х годов (особенно «большого террора» 1937–1938 гг.) было уничтожено большинство участников более ранних оппозиционных выступлений в Казахстане и Кыргызстане – авторы «письма пяти», подписавшие «письмо тридцатки», лидеры и члены кружка единомышленников, названного «Социал-Туранской партией».

Органы государственной безопасности искали и использовали любые связи между представителями элит соседних республик для максимального расширения круга репрессируемых лиц и попыток обоснования существования многочисленных выдуманных «контрреволюционных организаций» и «антисоветских заговоров».

В качестве примера приведем протоколы допросов арестованных по политическим обвинениям видных кыргызстанских политиков Абдыкерима Сыдыкова и Баялы Исакеева, которых в разное время заставляли давать компрометирующие показания против заместителя председателя СНК РСФСР Турара Рыскулова, имевшего давние и хорошие отношения со многими представителями политической и интеллектуальной элиты Кыргызской ССР.

В протоколе допроса Абдыкерима Сыдыкова от 12 мая 1933 г. записано: «...Роковой сразу же пригласил меня поехать на квартиру к Зам. Предсовнаркома РСФСР Рыскулова. Когда приехали, дома никого не оказалось...» [5, л. 90].

А в протоколе допроса обвиняемого Баялы Исакеева от 16 мая 1938 г. зафиксировано упоминание уже расстрелянного Турара Рыскулова:

«Вопрос: В своих предыдущих показаниях Вы упоминали о встрече с Рыскуловым – б/зам. председателем СНК РСФСР и получении от него указаний по концентрации контрреволюционных сил в Киргизии.

Расскажите об этом подробно.

Ответ: Я уже говорил, что Абдрахманов при отъезде из Киргизии в 1933 году рекомендовал мне установить связь с Рыскуловым, как представителем (организатором) контрреволюционных националистических формирований во всей Средней Азии.

Исходя из того, что «СТП» в 1933 году, в результате проведения ряда неправильных тактических мероприятий по контрреволюционной работе, потерпела поражение, я, во избежание подобных ошибок, решил поговорить с Рыскуловым о перспективах и задачах нашей борьбы с Соввластью.

В конце 1934 года при поездке в Москву на 7-й Съезд Советов, я встретился с Рыскуловым и имел с ним продолжительную беседу по вопросам развертывания борьбы с Соввластью в Киргизии» [6, л. 218].

Одной из особенностей репрессий против элиты был их значительный масштаб. Стоит согласиться с казахстанским журналистом А. Иконниковым, который писал: «Масштабы борьбы с национальной и творческой элитой в Казахстане в тот период сопоставимы с репрессиями в основных центрах, таких как Москва и Ленинград. Просто самой интеллигенции было во много раз меньше, потому и потери были тяжелее. В 1928–1929 гг. по сфабрикованному обвинению была арестована группа «буржуазных националистов» из 44 человек, среди которых были А. Байдильдин, М. Жумабаев, А. Байтурсынов, Ж. Аймаутов и другие. Часть из них расстреляли, а часть осудили на длительные сроки. В 1930 г. арестована другая группа, также около 40 человек – М. Тынышпаев, Х. Досмухамедов, К. Кеменгеров, А. Мунайбасов и другие. Впоследствии участники обеих этих групп были осуждены повторно и расстреляны. Все эти люди входили в руководящий состав или были известными писателями, учеными, общественными деятелями. Кроме творческой и технической элиты, только с 1920 по 1938 год на территории Казахстана было репрессировано 74 наркома. Причем 72 из них – в 1937–1938 годах. Для сравнения, на Украине за тот же период было репрессировано всего 18 наркомов» [7].

По настоящее время продолжают проявляться долгосрочные негативные последствия массовых политических репрессий против национальной элиты.

Современная элита Кыргызстана и Казахстана в основном состоит из представителей одного слоя позднесоветской партийной номенклатуры, комсомольских вожаков и выходцев из правоохранительной системы. Все они почти никак не связаны с традиционной кочевой элитой и первым поколением советской элиты 1920–1930-х гг., которые обладали бесценным опытом и навыками самосто-

ятельного мышления, формулирования и реализации стратегических целей, умением быстро оценивать ситуацию и принимать сложные решения в критические моменты.

Следующие генерации лидеров выдвигались советской системой из числа политически благонадежных социальных групп или тех немногочисленных представителей традиционной элиты, которые сумели выжить и влиться в их ряды.

Сталинские репрессии не только уничтожили традиционные и советские элиты, но и насильственным образом прервали переход между традиционной кочевой элитой и первым поколением советской элиты, разрушили механизм преемственности и воспроизводства элит и лидеров (это еще произошло благодаря многолетним преследованиям близких родственников репрессированных лиц, что помешало им воспользоваться социальными лифтами советской системы для восстановления своего потерянного общественного статуса).

Создание подобного устойчивого механизма формирования и ротации элит является одной из важнейших задач для современных лидеров, политических классов и обществ обеих республик, находящихся в транзитном постсоветском периоде своего развития.

Литература

1. Эхо массовых политических репрессий. Судьбы людские / сост. председ. Ассоциации жертв незаконных репрессий г. Астана и Акмолинской области В.М. Гринев, Т.В. Гринева. Астана, 2005.
2. История Казахстана и Центральной Азии / М.Х. Абусеитова и др. Алматы, 2001.
3. *Акимбеков С.* Прерванный полет. Главная проблема казахстанской элиты – как обеспечить преемственность / С. Акимбеков // *Континент*. 2003. № 5 (12–25 марта). URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1047796320> (последнее посещение 01.12.2014 г.)
4. *Курманов З.К.* К 80-летию великого голода. О голоде в Кыргызстане и Казахстане в 1932–33 годах, “Алаш” и других парадоксах истории / З.К. Курманов // *Общественный рейтинг*. 2012. 14 июня.
5. ЦГА ПД КР. Ф.10. Оп. 1. Д. 515.
6. *Плоских В.М.* Турар Рыскулов в истории Кыргызстана / В.М. Плоских, А.А. Карымсакова // *Тр. Ин-та мировой культуры. Вып. 4. Война. Мир. Духовное наследие* / отв. ред. акад. В. Плоских. Бишкек; Лейпциг, 2005.
7. *Иконников А.* В жерновах истории / А. Иконников // *Континент*. 2007. № 10 (23 мая–5 июня). URL: <http://www.continent.kz/2007/10/6.htm> (последнее посещение 01.12.2014 г.).